

Engel's Wissenschaft

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Русскій переводъ брошюры Энгельса: „Развитіе научнаго социализма“ выходитъ теперь третьимъ изданіемъ. Второе вышло въ 1892 году. Въ то время въ международной социалистической литературѣ еще не высказывалось мнѣній, согласно которымъ социалистическая теорія вообще не можетъ называться научной. Теперь такія мнѣнія высказываются очень громко и не остаются безъ вліянія на нѣкоторую часть читателей. Поэтому мы считаемъ своевременнымъ рассмотретьъ здѣсь вопросъ о томъ, что такое научный социализмъ и въ чемъ онъ отличается отъ утопическаго.

Но сначала послушаемъ одного изъ гг. „критиковъ“.

Въ рефератѣ, прочитанномъ 17-го мая 1901 г. въ „Берлинскомъ студенческомъ союзѣ для изученія общественной науки“ (Sozialwissenschaftlicher Studentenverein zu Berlin) г. Бернштейнъ поставилъ передъ собою тотъ же самый вопросъ, хотя иначе сформулированный: „Возможенъ ли научный социализмъ?“ (Wie ist wissenschaftlicher Sozialismus möglich)? Въ результатъ своего изслѣдованія онъ пришелъ къ отрицательному отвѣту. По его словамъ, никакой „измъ“ не можетъ быть наукой: „измомъ обозначается міросозерцаніе, тенденція, система мыслей или требований, а вовсе не наука. Основа всякой истинной науки есть опытъ, она строитъ свое зданіе на накопленномъ знаніи. Социализмъ же есть ученіе о будущемъ общественномъ порядкѣ, и именно поэтому его наибольшая характерная черта не можетъ быть установлена научно*).

Такъ ли это? Посмотримъ.

Прежде всего поговоримъ объ отношеніи между „измами“ и наукой. Если бы г. Бернштейнъ былъ правъ, говоря, что никакой „измъ“ наукой быть не можетъ, то ясно, что, напримѣръ, дарвинизмъ тоже не „наука“. Но въ такомъ случаѣ что же такое дарвинизмъ? Ес-

*) Ed. Bernstein, Wie ist wissenschaftlicher Sozialismus möglich? Berlin 1901, s. 35.

ли мы захотим остаться вѣрны теоріи г. Бернштейна, то мы должны будемъ отнести это ученіе къ числу „системъ мыслей“. Но развѣ система мыслей не можетъ быть наукой и развѣ наука не есть система мыслей? Г. Бернштейнъ, очевидно, думаетъ, что — нѣтъ. Но онъ такъ думаетъ просто по недоразумѣнію, просто потому, что въ его собственной „системѣ мыслей“ царствуетъ страшный безпорядокъ.

Что наука строить свое зданіе на основѣ опыта, это извѣстно теперь каждому толковому школьнику. Но вопросъ совсѣмъ не въ этомъ. Онъ состоитъ въ томъ, что же именно строить наука на основѣ опыта? А на это возможенъ только одинъ отвѣтъ: на основѣ опыта наука строить извѣстные обобщенія („системы мыслей“), которыя въ свою очередь ложатся въ основу извѣстнаго предвидѣнія явленій. Но предвидѣніе относится къ будущему времени. Поэтому далеко не всякое соображеніе о будущемъ лишено научной основы.

Если справедлива та старая мысль, что настоящее беременно будущимъ, то научное изученіе настоящаго должно дать намъ возможность судить о будущемъ не на основаніи какихъ нибудь таинственныхъ пророчествъ или какихъ нибудь произвольныхъ и отвлеченныхъ разсужденій, а именно на основаніи „опыта“, на основаніи знаній, накопленныхъ наукой.

Если бы г. Бернштейнъ хотѣлъ серьезно вдуматься въ поставленный имъ себѣ вопросъ о возможности научнаго социализма, то онъ долженъ былъ бы прежде всего рѣшить, справедлива, или не справедлива указанная нами мысль въ примѣненіи къ общественнымъ явленіямъ. Самое непродолжительное размышленіе показало бы ему, что въ этомъ случаѣ она не менѣе справедлива, чѣмъ во всѣхъ прочихъ. Убѣдившись въ этомъ, ему надо было рассмотреть, обладаетъ ли современная общественная наука такимъ запасомъ свѣдѣній о нѣйшнихъ общественныхъ отношеніяхъ, пользуясь которыми она была бы въ состояніи предвидѣть характеръ будущаго общественнаго порядка. Если бы онъ увидѣлъ, что такого запаса нѣтъ и никогда не будетъ, то вопросъ о возможности научнаго социализма самъ собою рѣшился бы въ отрицательномъ смыслѣ. А если бы г. Бернштейнъ убѣдился въ томъ, что такой запасъ или уже существуетъ, или можетъ быть накопленъ со временемъ, то онъ неизбѣжно пришелъ бы къ положительному рѣшенію названнаго вопроса. Но какъ бы онъ ни рѣшилъ этотъ вопросъ, ему хорошо выяснилось бы тогда то, что, — благодаря ошибочному приему изслѣдованія, — до сихъ поръ остается у него въ ту-

манѣ нескладной и непродуманной „системы мыслей“. Онъ увидѣлъ бы, что невозможность существованія научнаго социализма можетъ быть доказана только въ томъ случаѣ, если станетъ очевидной невозможность научнаго предвидѣнія общественныхъ явленій, т. е. что до рѣшенія вопроса о возможности научнаго социализма надо предварительно рѣшить вопросъ о возможности социальной науки вообще. А увидѣвъ это, г. Бернштейнъ увидѣлъ бы, можетъ быть, и то, что взятый имъ предметъ представляетъ собою „дистанцію огромнаго размѣра“, и что для его выясненія не много сдѣлаетъ тотъ, кто не имѣетъ другихъ средствъ анализа, кромѣ безтолковаго противоположенія науки „измамъ“.

Впрочемъ, мы несправедливы къ нашему автору. Имѣющіяся у него средства анализа не ограничиваются такимъ различіемъ. Вотъ, напримѣръ, на стр. 33-34 его реферата мы встрѣчаемъ еще ту мысль, что наука не имѣетъ никакой другой цѣли, кромѣ познанія, между тѣмъ, какъ „политическая и социальная доктрины“ стремятся разрѣшить извѣстныя практическія задачи. Во время споровъ, которыми сопровождалось чтеніе реферата г. Бернштейна, кто-то изъ присутствовавшихъ замѣтилъ ему по поводу этой мысли, что медицина задается практической цѣлью лѣченія, а между тѣмъ она должна быть признана наукой. На это нашъ референтъ отвѣтилъ, что лѣченіе есть задача медицинскаго искусства, которое во всякомъ случаѣ предполагаетъ основательное знаніе медицинской науки; но медицинская наука сама по себѣ стремится не къ лѣченію, а къ изученію средствъ и условій лѣченія. Къ этому г. Бернштейнъ прибавляетъ, что „если мы возьмемъ это различіе понятій за образецъ (als typisches Muster), то мы безъ труда опредѣлимъ въ самыхъ сложныхъ случаяхъ, гдѣ кончается наука и гдѣ начинается искусство или доктрина“^{*)}.

Мы беремъ за образецъ рекомендуемое г. Бернштейномъ „различіе понятій“ и разсуждаемъ такъ: въ социализмъ, какъ и въ медицинѣ, надо различать двѣ стороны: науку и искусство. Социализмъ, какъ наука, изучаетъ средства и условія социалистической революціи, а социализмъ, какъ „доктрина“ или какъ политическое искусство, стремится совершить названный переворотъ, опираясь на пріобрѣтенное знаніе. И мы прибавляемъ, что если г. Бернштейнъ возьметъ за „типическій образецъ“ различіе, сдѣланное нами по его же примѣру, то онъ безъ труда пойметъ, гдѣ именно кончается въ социалистической системѣ наука, и гдѣ начинается доктрина или искусство.

*) Ibid., s. 34, примѣчаніе.

Роберт Оуэнъ, обращаясь къ „британской публикѣ“ въ одномъ изъ воззваній, служащихъ предисловіемъ къ его книгѣ „New views of society or Essays upon the formation of human character“ (Новый взглядъ на общество или опыты объ образованіи человѣческаго характера), говоритъ :

„Я обращаюсь къ вамъ, друзья и соотечественники. потому что ваши величайшіе и важнѣйшіе интересы тѣсно связаны съ предметами, разсматриваемыми въ предлагаемыхъ опытахъ. Вы найдете въ нихъ описаніе существующихъ золъ и предложеніе средствъ ихъ исцѣленія.... Благодарительная измѣненія требуютъ основательно обдуманыхъ и хорошо составленныхъ плановъ.... Однако, большимъ успѣхомъ является уже указаніе причины зла. Ближайшимъ послѣ этого шагомъ должно быть отысканіе лѣкарства.... Дѣломъ моей жизни было именно его отысканіе и его практическое испытаніе; и такъ какъ я нашелъ такое лѣкарство, которое, какъ показываетъ опытъ, совершенно надежно въ своемъ примѣненіи и совершенно несомненно по своему дѣйствию, то я имѣю теперь сильное желаніе дать вамъ воспользоваться его благодѣяніями. Но будьте увѣрены въ томъ, что принципы, на которыхъ основывается этотъ „новый взглядъ на общество“, вѣрны, что за ними не скрывается никакой ошибки и что къ ихъ обнаруженію подвинули меня совершенно чистыя побужденія“ (и т. д.*).

Эти слова даютъ намъ полную возможность анализировать ходъ мысли великаго англійскаго социалиста съ точки зрѣнія предлагаемаго г. Бернштейномъ „различенія понятій“: ясно, что Р. Оуэнъ началъ съ изученія существующихъ золъ и съ обнаруженія ихъ причины. Эта часть его работы соответствуетъ тому, что въ медицинѣ называется этиологіей. Затѣмъ онъ перешелъ къ изученію средствъ и условій лѣченія интересовавшей его общественной болѣзни. Найдя лѣкарство, показавшееся ему очень дѣйствительнымъ, онъ сталъ подвергать его практическому испытанію. Это можно назвать его терапевтикой. Только послѣ того, какъ его опыты дали вполне удовлетворительные результаты, онъ рѣшилъ предложить его всей „британской публикѣ“, т. е. другими сло-

*) Не имѣя подъ руками англійскаго подлинника, мы цитируемъ по нѣмецкому переводу профессора Освальда Колльмана, вышедшему въ Лейпцигѣ въ 1900 г. подъ заглавіемъ: Eine neue Auffassung der Gesellschaft. Vier Aufsätze über die Bildung des menschlichen Charakters, als Einleitung zu der Entwicklung eines Planes, die Lage der Menschheit allmählich zu verbessern. Цитированное нами мѣсто находится на стр. 6.

вами, взятыя за медицинскую прантику. Прежде онъ занимался медицинской наукой теперь онъ сталъ практиковать медицинское искусство. Тутъ — полная параллель, и разъ г. Бернштейнъ допускаетъ возможность существованія науки медицины, то онъ долженъ, — разумѣется, въ томъ только случаѣ, если онъ хочетъ остаться вѣрнымъ своему собственному „различенію, понятій“ — признать также и возможность существованія науки социализма. Тотъ же самый ходъ изслѣдованія, который мы подмѣтили у Роберта Оуэна на основаніи его собственныхъ словъ, легко можетъ быть подмѣченъ и у современныхъ ему французскихъ социалистовъ. Для примѣра укажемъ хоть на Фурье. Онъ говорилъ, что онъ принесъ людямъ искусство быть богатыми и счастливыми. Эта часть его доктрины соответствуетъ врачебному искусству. Но на чемъ основывалъ онъ эту практическую часть своего ученія? На *законахъ нравственнаго притяженія*, которые, по его словамъ, оставались неизвѣстными людямъ, пока онъ не открылъ ихъ, наконецъ, послѣ долгаго и внимательнаго изслѣдованія. Тутъ мы имѣемъ дѣло уже не съ искусствомъ, а съ теоріей, съ „приведеннымъ въ систему знаніемъ“, т. е. съ наукой. И Фурье настойчиво повторялъ, что его искусство основывается на его научныхъ открытіяхъ*). Само собою разумѣется, что г. Бернштейнъ ни мало не обязанъ придавать этимъ открытіямъ такое же большое значеніе, какое они имѣли въ глазахъ самого Фурье или его школы, но это не измѣняетъ дѣла. Г. Бернштейнъ, конечно, не считаетъ себя обязаннымъ вѣрить въ безошибочность всѣхъ медицинскихъ теорій нашего времени; но это не помѣшало ему придти къ убѣжденію въ томъ, что иное дѣло медицинское искусство, а иное дѣло медицинская наука, и что существованіе медицинскаго искусства не только не исключаетъ существованія медицинской науки, но наоборотъ, предполагаетъ его, какъ свое необходимое условіе. Почему въ социализмѣ невозможно такое же соотношеніе между искусствомъ и наукой? Почему существованіе социализма, какъ социально-политической „доктрины“, исключаетъ существованіе социализма, какъ науки?

На эти вопросы г. Бернштейнъ не отвѣчаетъ. Пока онъ не отвѣтитъ на нихъ, предложенное имъ „различеніе понятій“ будетъ

*) См. напримѣръ, Manuscris de Fourier, Paris 1851, p. 4, гдѣ онъ сравниваетъ себя съ Кеплеромъ и Ньютономъ. Ср. также любые изъ тѣхъ изложеній его ученія, которые были сдѣланы его послѣдователями. Въ каждомъ изъ нихъ практическіе планы общественаго переустройства опираются на **теоретическія открытія** Фурье.

не подтверждать, а опровергать его мысль о невозможности научного социализма. А ответить на них он не может по той простой причине, что ему на них нечего ответить. Разумается, можно и должно было бы усомниться в теоретической правомѣрности сравненія медицинскаго искусства съ социализмомъ. Но именно въ этомъ-то нашъ авторъ и не усомнился, да и не могъ усомниться, такъ какъ **его** точка зрѣнія на общественную жизнь ничуть не исключаетъ подобныхъ сравненій.

Итакъ, предложенное г. Бернштейномъ „различіе понятій“ не только не убѣдило насъ въ невозможности научнаго социализма, но, напротивъ, предрасположило насъ къ принятію той мысли, что даже социализмъ Р. Оуэна, Фурье и другихъ *утопистовъ* былъ, по крайней мѣрѣ отчасти, научнымъ социализмомъ. Вслѣдствіе этого намъ становится неяснымъ то „различіе понятій“, въ силу котораго мы до сихъ поръ полагали, что социалистическая теорія Маркса-Энгельса сдѣлала эпоху въ исторіи социализма. Да и не однимъ намъ неясно это „различіе“. У г. Бернштейна тоже выходитъ, что хотя ученіе Маркса-Энгельса заключаетъ въ себѣ гораздо больше научнаго элемента, чѣмъ ученія Фурье, Оуэна и Сен-Симона, но и оно подобно имъ, хотя и въ меньшей степени заключаетъ въ себѣ, рядомъ съ элементами науки, также и элементы утопіи, а потому и различіе между ними имѣетъ скорѣе *количественный* нежели *качественный* характеръ*). Въ рефератѣ г. Бернштейна такое мнѣніе вполне естественно: если научный социализмъ вообще невозможенъ, то очевидно, что и марксизмъ есть одинъ изъ тѣхъ „измовъ“, которыми свойственна большая или меньшая примѣсь утопіи. Но такъ какъ убѣжденіе г. Бернштейна въ невозможности научнаго социализма основывается на такихъ послылкахъ, которыя, будучи правильно истолкованы, приводятъ къ діаметрально противоположному заключенію, т. е. заставляютъ насъ признать, что научный социализмъ, — подобно научной медицинѣ, — *вполнѣ возможенъ*, то мы, не желая окончательно запутаться въ логическихъ противорѣчіяхъ г. „критика“, покидаемъ сотканную имъ нить разсужденій и, въ свою очередь, спрашиваемъ себя, чѣмъ же, наконецъ, отличается научный социализмъ отъ утопическаго.

Чтобы отвѣтить на это, надо опредѣлить отличительные признаки обоихъ видовъ социализма.

На страницѣ 14 предлагаемой брошюры Энгельсъ говоритъ: „Мисосозерцаніе утопистовъ долго господствовало надъ социалистиче-

*) Объ этомъ см. въ особенности стр. 21, 22, 28, 29, 30.

скими воззрѣніями XIX вѣка и, отчасти, господствуетъ еще понынѣ.... Его держался всѣ англійскіе и, до недавняго времени, всѣ французскіе социалисты, а также прежніе нѣмецкіе коммунисты, не исключая Вейтлинга. Социализмъ, въ ихъ представленіи, есть выраженіе абсолютной истины, разума и справедливости, и нужно только открыть его, чтобы онъ собственной силой покорилъ весь міръ; а такъ какъ абсолютная истина не зависитъ отъ времени, пространства и историческаго развитія человѣчества, то это уже дѣло чистой случайности, когда и гдѣ она будетъ открыта“.

По поводу этого мѣста г. Бернштейнъ упрекаетъ Энгельса въ преувеличеніи: „я не могу согласиться съ нимъ, — замѣчаетъ онъ, — когда онъ говоритъ, что по ихъ (социалистовъ-утопистовъ) мнѣнію время и мѣсто открытія найденныхъ имъ истинъ было дѣломъ независимой отъ историческаго развитія случайности. Будучи высказано въ такой общей формѣ это положеніе невѣрно изображаетъ ихъ взглядъ на исторію.“*)

Если бы г. Бернштейнъ далъ себѣ трудъ получить ознакомиться съ литературой утопическаго социализма и поглубже вдуматься въ основные историческіе взгляды социалистовъ-утопистовъ, то онъ и самъ увидѣлъ бы, что въ словахъ Энгельса нѣтъ и тѣни преувеличенія.

Фурье былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что ему удалось открыть законы нравственнаго тяготѣнія, но онъ никогда не умѣлъ взглянуть на свою теорію какъ на плодъ общественнаго развитія Франціи. Онъ самъ не разъ съ удивленіемъ спрашиваетъ себя, почему люди не пришли нѣсколькими столѣтіями или даже тысячелѣтіями раньше къ тѣмъ открытіямъ, которыя ему удалось, наконецъ, сдѣлать. И онъ могъ себѣ отвѣтить голько ссылкой на ослѣпленіе людей, да на силу случайности. По этому поводу онъ даже написалъ очень характерное разсужденіе о „тиранніи случая“, гдѣ онъ доказываетъ, что „эта колоссальная и презрѣнная сила почти всецѣло обусловливаетъ собою всѣ открытія.“**) По его словамъ, онъ самъ принесъ ей большую дань въ своемъ „открытіи разсчета притяженія“ (dans la decouverte du calcul de l'attraction). Его, какъ и Ньютона, натолкнуло на его мысль яблоко. „За это, достойное знаменитости, яблоко заплатилъ 14 су одинъ путешественникъ, обѣдавшій со

*) Ibid., s. 30, примѣчаніе.

**) Les manuscrits de Fourier, p. 14. Ср. также Oeuvres complètes, t. 4, Paris 1841, pp. 3. 4, 5.

мною въ Парижѣ въ ресторанѣ Февріе. Я только что прѣѣхалъ тогда изъ мѣстности, въ которой такія же и даже лучшія яблоки продавались по поль-ліярда, т. е. менѣе четырнадцати су за сотню. Эта разниа цѣнъ въ двухъ мѣстностяхъ одинаковаго климата поразила меня очень сильно и навела на мысль о томъ, что въ промышленномъ механизмѣ есть коренной недостатокъ; отсюда возникли тѣ изслѣдованія, которыя по прошествіи четырехъ лѣтъ привели меня къ открытію теоріи серіи промышленныхъ группъ, а послѣ того и законовъ всеобщаго движенія, не замѣченныхъ Ньютономъ... Впослѣдствіи я нашелъ, что можно насчитать четыре яблока, изъ которыхъ два прославились причиненными ими несчастіями (яблоко Адама и яблоко Париса), а другія два сдѣлались знамениты благодаря тому, что обогатили науку. Не заслуживаетъ-ли особой страницы въ исторіи эта четверка знаменитыхъ яблокъ?**)

Это, кажется, уже и само по себѣ довольно выразительно. Но это еще не все. Въ теоріи Фурье случай играетъ еще болѣе широкую роль, чѣмъ та, которую ему можно отнести на основаніи наивныхъ мыслей о четырехъ яблокахъ; случаемъ опредѣляется въ этой теоріи все историческое развитіе человѣческихъ взглядовъ и вся судьба человѣческихъ предрасудковъ. Если люди такъ долго упорствовали въ своемъ восхищеніи передъ цивилизаціей — говорить Фурье, — то это произошло потому, что никто не послѣдовалъ совѣту Бэкона и не сдѣлалъ критическаго анализа пороковъ и недостатковъ каждой профессіи.***) А почему никто не послѣдовалъ совѣту Бэкона? Очень просто: потому, что не произошло такого случая, который навелъ бы людей на мысль о томъ, что надо ему послѣдовать. Нынѣшній порядокъ вещей, который самъ есть лишь исключеніе изъ общаго правила, лишь отклоненіе отъ истинной судьбы человѣчества, оказался гораздо болѣе продолжительнымъ, чѣмъ слѣдовало, благодаря „легкомыслию софистовъ, позабывшихъ, что имъ надо вдуматься въ общія цѣли Providенція (oublièrent de spéculer sur l'universalité de la Providence-), отыскать тотъ сводъ законовъ, который оно должно было составить для человѣческихъ отношеній.“†)

Послѣ этого читатель можетъ самъ судить, заключается ли въ приведенныхъ нами выше словахъ Энгельса хоть капля преувеличенія.

*) Ibid. p. 17.

**) Oeuvres complètes, t. 4, p. 121.

†) Manuscrits de Fourier, p. 78.

У другихъ великихъ утопистовъ вѣра въ историческое всемогущество случайности не такъ ярко выражена и, можетъ быть, не такъ велика, какъ у Фурье. Но до какой степени она сильна даже у самаго трезваго изъ нихъ, у Роберта Оуэна, показываетъ тотъ простой фактъ, что онъ со своими социалистическими планами обращался къ сильнымъ міра сего, существенно заинтересованнымъ въ поддержаніи эксплуатаціи человѣка человекомъ. Такое обращеніе очень плохо согласовалось со всѣмъ ученіемъ Р. Оуэна объ образованіи человѣческаго характера. По прямому и ясному смыслу этого ученія выходить, что сильные міра сего ни коимъ образомъ не могутъ взять на себя инициативу устраненія того самаго общественнаго порядка, подъ вліяніемъ котораго складываются ихъ собственные взгляды, и съ существованіемъ котораго тѣсно связаны ихъ насущнѣйшіе интересы. И тѣмъ не менѣе Робертъ Оуэнъ*) неустanno и заботливо, съ помощью подробныхъ расчетовъ, точныхъ плановъ и прекрасныхъ чертежей, объяснялъ европейскимъ монархамъ, въ чемъ состоитъ „раціональная“ общественная система. Въ этомъ отношеніи онъ, какъ и всѣ социалисты-утописты, былъ роднымъ братомъ великихъ французскихъ просвѣтителей, у которыхъ (главнымъ образомъ у Гельвеція) онъ почти цѣликомъ заимствовалъ свое ученіе объ образованіи человѣческаго характера, и которые, подобно ему, съ упорствомъ, вполне достойнымъ несравненно лучшей участи, объясняли коронованнымъ „законодателямъ“, какъ и чѣмъ можетъ быть обезпечено счастье человѣчества. Они краснорѣчиво громили „деспотовъ“ и они же упорно возлагали свои упованія на просвѣщенный деспотизмъ. Это противорѣчіе било въ глаза и, разумѣется, не ускользнуло отъ ихъ собственнаго вниманія. Всѣ они сознавали его одни съ большею, другіе съ меньшею ясностью и всѣ они утѣшали себя именно надеждой на случайность. Вообразите, что у васъ есть большая урна, въ которой находится очень много черныхъ шаровъ и два-три бѣлыхъ, и что вы вынимаете шаръ за шаромъ. Нечего и говорить, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ у васъ гораздо меньше шансовъ вынуть бѣлый шаръ, нежели черный. Но, повторивъ эту операцію достаточное число разъ, вы непременно вынете, наконецъ, и бѣлый. То же и съ коронованными „за-

*) См. напримѣръ, его сочиненіе „A Development of the Principles and Plans on which to establish self-supporting Home-colonies, etc., London 1841, а также и особенно введеніе въ его автобіографію: The Life of Robert Owen, Written by himself. Vol. I, London, 1857.

конодателями“. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ гораздо больше шансовъ найти на престолѣ плохого законодателя“, чѣмъ хорошаго. Но явится же, наконецъ, и хорошій. Этотъ сдѣлаетъ все, что предписываетъ „философія“, и тогда восторжествуетъ разумъ.

Такъ смотрѣли французскіе просвѣтителѣ, и этотъ, въ сущности глубоко пессимистическій взглядъ, *равносильный признанію полной безпомощности ихъ „философіи“*, находился въ тѣсной причинной связи съ ихъ общимъ историческимъ возрѣніемъ. Извѣстно, что даже тѣ французскіе просвѣтителѣ 18-го столѣтія, которые были убѣжденными *материалистами*, держались *идеалистическаго взгляда на исторію*. Коренной причиной историческаго движенія они считали развитіе знаній и вообще умственное развитіе человечества. И въ этомъ отношеніи съ ними совершенно сходились социалисты-утописты. Такъ, напримѣръ, Р. Оуэнъ говорить что царствующее въ обществѣ зло порождается ошибочнымъ взглядомъ людей на образованіе человеческого характера, а этотъ ошибочный взглядъ съ своей стороны обусловливается тѣмъ, что *люди не знаютъ своей собственной природы**). Сообразно съ этимъ и устраненія общественнаго зла надо было ожидать единственно отъ распространенія между людьми правильнаго пониманія ихъ природы. Р. Оуэнъ былъ непоколебимо убѣжденъ въ томъ, что такое пониманіе непременно распространится между ними. „Человѣкъ созданъ для того, чтобы пріобрѣсти знанія посредствомъ опыта и счастье путемъ подчиненія законамъ своей собственной природы“, писалъ онъ за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти**). Но въдь опытъ и есть знаніе. Чѣмъ же обусловливается его, болѣе или менѣе быстрое накопленіе? Почему въ теченіе одной исторической эпохи человечество пріобрѣтаетъ огромныя сокровища знанія, а въ теченіе другой, часто несравненно болѣе продолжительной, оно прибавляетъ къ ихъ старому запасу лишь совершенно ничтожныя крохи, а иногда теряетъ и самый запасъ? На этотъ вопросъ, въ высшей степени важный для научнаго объясненія историческихъ явленій, Оуэнъ не отвѣчалъ и не могъ отвѣтить. *На него вообще не отвѣчаютъ и не могутъ от-*

*) См. Neue Auffassung etc. SS. 65-66; впрочемъ, эта мысль повторяется рѣшительно во всѣхъ его сочиненіяхъ.

***) См. чрезвычайно интересную его замѣтку, озаглавленную: On the absolute necessity, in the nature of things, for the attainment of Happiness, that the system of Falshood and Evil should precede the system of truth and Good“, въ приложеніи къ первому тому его автобіографіи, вышедшемъ въ видѣ отдѣльной книжки, pp. XXX-XXXIII.

оттѣтъ люди, держащіеся идеалистическаго взгляда на исторію. И это понятно. Чтобы отвѣтить на него, имъ надо было бы объяснить, чѣмъ обусловливается умственное развитіе человечества, т. е., стало быть, взглянуть на это развитіе *не какъ на козенную причину историческаго процесса, а какъ на слѣдствіе другой, глубже лежащей причины*, что было бы равносильно признанію *несостоятельности идеалистическаго пониманія исторіи*. Тотъ, кто еще не пришелъ къ такому признанію, непременно долженъ отводить случайности очень широкое мѣсто въ своихъ объясненіяхъ историческихъ событій и въ своихъ соображеніяхъ о будущемъ. Случайности объясняетъ ему все то, чего онъ не можетъ объяснить *сознательной дѣятельностью историческихъ лицъ*. *Смысла на нее представляетъ собою первый, безсознательный и невольный шагъ къ признанію того, что развитіе человеческого сознанія обусловливается причинами, отъ него независящими*. Вотъ почему просвѣтителѣ 18-го столѣтія и социалисты-утописты такъ часто ссылались на случайности. „Четыре яблока“ Фурье также смѣшны теперь какъ и наполненная шарами „урна“ французскихъ просвѣтителѣй. Но и „урна“, и „яблоки“ имѣли свое достаточное основаніе въ особенностяхъ идеалистическаго взгляда на исторію, а политическіе и социальныя реформаторы и революціонеры, придерживавшіеся такого взгляда, должны были чаще другихъ обывателей апеллировать къ „урнѣ“, и къ „яблокамъ“, и еще къ великому множеству всякихъ другихъ неожиданностей. Въ самомъ дѣлѣ, если историческій процессъ накопленія знаній обусловливается въ послѣднемъ счетѣ рядомъ случайныхъ явленій, не имѣющихъ необходимой связи съ ходомъ общественной жизни и съ развитіемъ общественныхъ отношеній, то всякій отдѣльный вкладъ въ общую сокровищницу знаній, каждое открытіе, дѣлаемое тѣмъ или другимъ мыслителемъ, — а въ томъ числѣ и авторомъ того или другаго плана общественнаго переустройства, — неизбежно должно представляться подаркомъ случайности. А если отъ случайности зависитъ **открытіе** истины, то той же „колоссальной и презрѣнной силѣ“ подчинено и ея **распространеніе**, ея болѣе или менѣе быстрое воплощеніе въ общественную жизнь. Отсюда — удивляющія насъ теперь заигрыванія просвѣтителѣй и социалистовъ-утопистовъ съ сильными міра сего. **Практика** соотвѣтствовала у нихъ **теоріи**, „искусство“ — „наукѣ“.

Правда, у социалистовъ-утопистовъ уже замѣчается подчасъ сильное *недовольство теоріей, унаследованной ими отъ просвѣтителѣй* стремленіе выйти изъ узкаго круга *идеализма* и стать на болѣе *реальную почву*. Они стараются создать *общественную науку*.

Отсюда всё ихъ „открытія“. Нѣкоторыя изъ этихъ открытій замѣчательны, въ полномъ смыслѣ этого слова.

Они проливали яркій свѣтъ на многія важнѣйшія стороны историческаго процесса, — напримѣръ, на роль борьбы классовъ въ новѣйшей исторіи западно-европейскихъ обществъ*), — и тѣмъ подготавливали научное объясненіе общественныхъ явленій. Но они именно только подготавливали его. Историческій идеализмъ, на точкѣ зрѣнія котораго стояли всѣ социалисты первой половины девятнадцатаго вѣка, очень затруднялъ выработку научнаго взгляда на общественную жизнь. Научному объясненію поддаются только законотѣрные явленія. Законотѣрность явленій предполагаетъ подчиненіе ихъ закону необходимости, а историческій идеализмъ разсматриваетъ историческое движеніе почти исключительно какъ продуктъ сознательной и, слѣдовательно, свободной дѣятельности людей. Пока не было устранено это противорѣчіе, научное объясненіе общественной жизни оставалось невозможнымъ. А социалисты того времени не только не разрѣшали этого противорѣчія, но не умѣли даже формулировать его съ надлежащей точностью. Ясное сознаніе и точную формулировку его впервые дала нѣмецкая философія въ лицѣ Шеллинга.

Шеллингъ показалъ, что свобода человѣческихъ дѣйствій не только не исключаетъ необходимости, но напротивъ предполагаетъ ее, какъ свое условіе**). Эта глубокая мысль Шеллинга была основательно и подробно развита въ сочиненіяхъ Гегеля. Въ переводѣ на обыкновенный языкъ она означаетъ, что дѣятельность человѣка можетъ быть разсматриваема съ двухъ сторонъ: во первыхъ, онъ выступаетъ передъ нами, какъ причина тѣхъ или другихъ общественныхъ явленій. По скольку онъ сознаетъ себя такой причиной, постольку онъ полагаетъ, что отъ него зависитъ вызвать эти общественныя явленія или не вызвать ихъ. И постольку онъ считаетъ свою дѣятельность сознательной и свободной. Но человѣкъ, выступающій передъ нами въ качествѣ причины даннаго общественнаго явленія, можетъ и долженъ быть разсматриваемъ съ другой стороны, какъ слѣдствіе тѣхъ общественныхъ явленій, которыя своимъ вліяніемъ опредѣлили складъ его характера и направленіе его воли. Разсматриваемый какъ слѣдствіе,

*) См. наше предисловіе къ Манифесту Коммунистической Партіи.

**) System des transcendentalen Idealismus, Tübingen 1800, ss. 422 и слѣд. ср. Н. Вельтова: „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“, стр. 105 и слѣд.

общественный человѣкъ не можетъ считаться свободнымъ дѣятелемъ, потому что не отъ его воли зависятъ тѣ обстоятелства, которыя опредѣлили собою ея движеніе. Стало быть, теперь его дѣятельность представляется намъ, какъ подчиненная закону необходимости, т. е. законотѣрная дѣятельность. Такимъ образомъ выходитъ, что свобода вовсе не исключаетъ необходимости. Знаніе этой истины очень важно потому, что она — и только она — открываетъ намъ путь къ научному объясненію общественной жизни. Мы уже знаемъ, что научному объясненію поддаются только тѣ явленія, которыя подчинены закону необходимости. Если бы общественный человѣкъ могъ быть извѣстенъ намъ лишь какъ причина общественныхъ явленій, то его дѣятельность была бы доступна нашему представленію лишь со стороны своей свободы, и потому она навсегда осталась бы недоступной для научнаго объясненія. Просвѣтители 18-го и социалисты 19-го столѣтія, — въ своихъ разсужденіяхъ объ исторіи, — смотрѣли на общественнаго человѣка только какъ на причину общественныхъ явленій. Это происходило потому, что они держались идеалистическаго взгляда на исторію: кто видитъ въ умственномъ развитіи самую глубокую причину историческаго движенія, тотъ принимаетъ въ соображеніе только сознательную дѣятельность людей, а сознательная дѣятельность и есть та дѣятельность, которую мы называемъ свободной*).

Необходимость не исключаетъ свободы. Мало того: сознательная и въ этомъ смыслѣ свободная дѣятельность людей возможна только потому, что ихъ дѣйствія необходимы. Это можетъ показаться парадоксомъ, но это безусловная истина. Если бы дѣйствія людей не были необходимы, то ихъ невозможно было бы предвидѣть, а тамъ, гдѣ невозможно никакое предвидѣніе, нѣтъ мѣста и для свободной дѣятельности въ смыслѣ сознательнаго вліянія на окружающую жизнь**). Такимъ образомъ необходимость оказывается залогомъ свободы.

*) „Необходимость, въ ея противоположности свободѣ, есть именно безсознательное“, справедливо говоритъ Шеллингъ. (L. cit., s. 424).

**) „Я могъ бы предвидѣть ихъ (поступки моихъ согражданъ) только при томъ условіи, если бы я могъ разсматривать ихъ, какъ и всѣ другія явленія окружающаго меня міра, т. е. какъ необходимыя слѣдствія опредѣленныхъ причинъ, которыя уже извѣстны или могутъ быть извѣстны мнѣ. Иначе сказать, моя свобода не была бы пустымъ словомъ только въ томъ случаѣ, если бы ея сознаніе могло сопровождаться пониманіемъ причинъ, вызывающихъ свободные поступки моихъ ближнихъ, т. е. если бы я могъ раз-

Все это хорошо выяснили еще великіе нѣмецкіе идеалисты, и поскольку они въ своихъ сужденіяхъ объ общественной жизни держались этой точки зрѣнія, постольку они стояли на твердой почвѣ науки. Но именно потому, что они были идеалистами, они не могли надлежащимъ образомъ воспользоваться своими собственными геніальными мыслями. Правда, ихъ философскій идеализмъ не былъ необходимо связанъ съ *идеалистическимъ взглядомъ на исторію*. Гегель замѣчаетъ въ своихъ „Чтеніяхъ по философіи исторіи“, что хотя, конечно, разумъ править міромъ, но онъ править имъ въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ онъ управляетъ движеніемъ небесныхъ свѣтилъ, т. е. въ смыслѣ *законосообразности*. Небесныя свѣтила движутся по определеннымъ законамъ, но движеніе ихъ остается *безсознательнымъ*. Такъ же совершается, по Гегелю, и историческое движеніе человечества: оно подчинено извѣстнымъ законамъ, но люди не знаютъ этихъ законовъ, и потому можно сказать, что историческое движеніе *безсознательно*. Люди ошибаются, думая, что ихъ идеи служатъ главнымъ факторомъ историческаго движенія. Идеи всякой данной эпохи сами опредѣляются характеромъ этой эпохи. При томъ же сова Минервы вылетаетъ только ночью. Когда люди начинаютъ вдумываться въ свои собственныя общественныя отношенія, тогда можно съ увѣренностью сказать, что эти отношенія уже отжили свое время и готовыя уступить мѣсто новому общественному порядку, истинный характеръ котораго выясняется людямъ только тогда, когда и ему придетъ пора сойти со сцены*).

Эти разсужденія Гегеля очень далеки отъ той наивной мысли, — составляющей сущность идеалистическаго объясненія исторіи, — что историческое движеніе обуславливается въ послѣднемъ счетѣ развитіемъ идей или, какъ выражались иногда французскіе просвѣтители, что міромъ править „мнѣніе“. Въ этихъ разсужденіяхъ вѣрно указывается по крайней мѣрѣ то, чѣмъ не-

считать эти поступки со стороны ихъ *необходимости*. Совершенно то же могутъ сказать мои ближніе и о моихъ поступкахъ. А что это означаетъ? Это означаетъ, что *возможность свободной (сознательной) исторической дѣятельности всякаго данного мѣста сводится къ нулю въ томъ случаѣ, если въ основѣ свободныхъ человѣческихъ поступковъ не лежитъ доступная пониманію дѣятеля необходимость*. (Н. Вельтовъ, „Монистическій взглядъ на исторію“, стр. 106).

**) Ср. Н. Вельтова, *l. cit.*, стр. 101.

льзя объяснить историческое движеніе. Но въ нихъ нѣтъ, разумеется, и указанія на ихъ истинную причину. Да его и не могло въ нихъ быть. Если Гегель былъ далекъ отъ наивнаго историческаго идеализма французскихъ просвѣтителей и социалистовъ-утопистовъ, то это нисколько не колебало идеалистической основы его системы, а эта основа не могла не помѣшать выработкѣ вполне научнаго объясненія общественно-историческаго процесса. По Гегелю, въ основѣ всего міроваго развитія лежитъ развитие абсолютной идеи. Развитіемъ этой идеи объясняется у него въ концѣ концовъ и вся человѣческая исторія. Но что такое эта абсолютная идея? Это, — какъ очень хорошо показали еще Фейербахъ*) — есть лишь *олицетворенный процессъ мышленія*. Выходитъ, что міровое развитіе вообще и историческое развитіе въ частности объясняется законами человѣческой мысли или, другими словами, что исторія объясняется логикой. До какой степени неудовлетворительно такое объясненіе, можно видѣть изъ сочиненій самого же Гегеля. Историческое движеніе только тогда и становится у него понятнымъ, когда оно объясняется не логикой, а развитіемъ общественныхъ, и преимущественно экономическихъ отношеній. Такъ, когда онъ говоритъ, что Лакедемонъ палъ главнымъ образомъ вслѣдствіе *экономическаго неравенства* то это объясненіе очень понятно само по себѣ и вполне соответствуетъ выводамъ новѣйшей исторической науки. Но абсолютная идея тутъ рѣшительно не при чемъ, и когда Гегель обращается къ ней для того, чтобы окончательно выяснитъ судьбы Греціи и Лакедемона, то онъ ровно ничего не прибавляетъ къ тому, что уже объяснено имъ указаніемъ на экономіку**).

Гегель охотно повторялъ, что *идеализмъ обнаруживаетъ себя, какъ истинна материализма*. Но его „Философія исторіи“ доказываетъ какъ разъ обратное. Изъ нея видно, что по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ исторіи *материализмъ долженъ быть признанъ истинной идеализма*. Чтобы окончательно проложитъ прямой и и вѣрный путь для научнаго объясненія общественно-историческаго процесса, изслѣдователи должны были распространиться со всѣми разновидностями идеализма и перейти на материалистическую точку зрѣнія. Это и было сдѣлано Маркомъ и Энгельсомъ. Выработанное ими материалистическое пониманіе исторіи такъ ха-

*) См. его „Grundsätze der Philosophie der Zukunft“, § 23.

**) Подробнѣе см. объ этомъ въ нашей статьѣ „Zu Hegel's sechszigstem Todestag“, напечатанной въ „Neue Zeit“ за ноябрь 1891 года.

рактируется въ предлагаемой брошюрѣ:

„Материалистическое пониманіе исторіи зиждется на томъ положеніи, что производство и обмѣнъ продуктовъ служатъ основаніемъ всякаго общественнаго строя; что въ каждомъ историческомъ обществѣ распределеніе продуктовъ, а съ нимъ и образованіе классовъ или сословій, зависитъ отъ того, какъ и что производится этимъ обществомъ и какимъ способомъ обмѣниваются произведенные продукты. Отсюда слѣдуетъ, что коренной причины социальныхъ переиѣнъ и политическихъ переворотовъ нужно искать не въ головахъ людей, не въ болѣе или менѣе ясномъ пониманіи ими вѣчной истины и справедливости, а въ измѣненіи способовъ производства и обмѣна; другими словами — не въ философіи, а въ экономіи данной эпохи. Пробудившееся сознание не разумности и несправедливости существующихъ общественныхъ отношеній, убѣжденіе въ томъ, что Vernunft Unsin, Wohlthat Plage geworden (что безумствомъ мудрость стала, зломъ — благое) служить лишь указаніемъ на то, что въ способахъ производства и обмѣна постепенно совершились измѣненія, настолько значительныя, что имъ не соответствуетъ болѣе общественный порядокъ, выкроенный по мѣрѣ старыхъ экономическихъ условій. Изъ сказаннаго ясно, что и средства для устраненія зла должны заключаться, — въ болѣе или менѣе развитомъ видѣ, — въ самихъ измѣнившихся условіяхъ производства. Умъ человѣскій не можетъ изобрѣсти эти средства; онъ долженъ открыть ихъ въ данныхъ материальныхъ явленіяхъ производства“.

Если пробудившееся сознание не разумности и несправедливости существующихъ общественныхъ отношеній само является слѣдствіемъ общественно-экономическаго развитія то ясно, что и въ сознательной дѣятельности людей, — которая обуславливается ихъ понятіями о разумѣ и справедливости, — можетъ быть найдена извѣстная законосообразность. Такъ какъ эта ихъ дѣятельность опредѣляется въ послѣднемъ счетѣ развитіемъ экономическихъ отношеній, то, выяснивъ себѣнаправленіе экономическаго развитія общества, мы тѣмъ самымъ получаемъ возможность предвидѣть, въ какую сторону должна направиться сознательная дѣятельность его членовъ. Такимъ образомъ здѣсь, какъ у Шеллинга, свобода вытекаетъ изъ необходимости, а необходимость превращается въ свободу. Но между тѣмъ, какъ Шеллингъ, вслѣдствіе идеалистическаго характера своей философіи, не пошелъ дальше общихъ, — хотя и чрезвычайно глубокихъ, — соображеній на этотъ счетъ, материалистическое пониманіе исторіи позволяетъ намъ воспользоваться этими общими соображеніями для изслѣдованія „живой

жизни“, для научнаго объясненія всей дѣятельности общественнаго человѣка.

Давая возможность взглянуть на сознательную дѣятельность общественнаго человѣка съ точки зрѣнія ея необходимости, материалистическое пониманіе исторіи тѣмъ самымъ прокладываетъ социализму путь для перехода на научную почву. Въ приведенныхъ нами строкахъ Энгельсъ говоритъ, что средства для устраненія общественнаго зла не могутъ быть изобрѣтены, т. е. придуманы какимъ нибудь гениальнымъ мыслителемъ, а должны быть открыты въ измѣнившихся экономическихъ отношеніяхъ данной эпохи. *Въ той самой мѣрѣ, въ какой возможно такое открытіе, возможны и научный социализмъ.* Мы имѣемъ, стало быть, очень опредѣленный отвѣтъ на выдвинутый г. Бернштейномъ вопросъ о возможности научнаго социализма. Правда, самъ г. Бернштейнъ какъ будто даже и не подозреваетъ существованія подобнаго отвѣта. Но это только доказываетъ, что этотъ господинъ совсѣмъ не понималъ основы ученія тѣхъ самыхъ людей, послѣдователемъ которыхъ онъ называлъ себя въ продолженіе почти двадцати лѣтъ.

Придумать можно то, чего совсѣмъ нѣтъ; открыть можно только то, что уже существуетъ въ дѣйствительности. Что же значитъ, поэтому, открыть въ экономической дѣйствительности средства для устраненія современнаго зла? *Это значитъ показать, что само развитіе этой дѣйствительности уже создало и создаетъ экономическую основу будущаго общественнаго порядка.*

Утопическій социализмъ исходилъ изъ отвлеченныхъ принциповъ: научный социализмъ беретъ за точку отравленія объективный ходъ экономическаго развитія буржуазнаго общества.

Если средства для устраненія нынѣшняго общественнаго зла не могутъ быть придуманы на основаніи общихъ соображеній о человѣческой природѣ, а должны быть открыты въ экономическихъ условіяхъ нашего времени, то ясно, что и открытіе ихъ не можетъ быть дѣломъ случая, независимымъ отъ указанныхъ условій. Нѣтъ, само это открытіе оказывается закономѣрнымъ процессомъ, доступнымъ научному изученію.

Основное положеніе материалистическаго объясненія исторіи гласитъ, что мышленіе людей опредѣляется ихъ бытіемъ или что въ процессѣ историческаго движенія ходъ развитія идей опредѣляется въ послѣднемъ счетѣ ходомъ развитія экономическихъ отношеній. Если это такъ, то ясно, что возникновеніе новыхъ экономическихъ отношеній необходимо должно вести за собою появленіе новыхъ идей, соответствующихъ измѣнившимся условіямъ

жизни, и если тому или другому гениальному человеку пришла в голову та или другая новая социально-политическая идея; если он увидѣлъ, напримѣръ, несостоятельность стараго общественного порядка и необходимость замѣны его новымъ, то это произошло не „случайно“, — какъ представляли себѣ это дѣло социалисты-утописты, — а въ силу вполне понятной исторической необходимости. И точно также распространение этой новой социально-политической идеи, ее усвоение сторонниками гениальнаго человека вовсе не можетъ считаться случайнымъ: она распространяется потому, что соответствуетъ новымъ экономическимъ условіямъ, и распространяется какъ разъ въ томъ классѣ или въ томъ слѣбѣ населенія, который больше всѣхъ другихъ испытываетъ невыгоды устарѣлаго общественного порядка. Процессъ распространения новой идеи оказывается тоже закономернымъ процессомъ. А такъ какъ за распространіемъ идеи, соответствующей новымъ экономическимъ отношеніямъ, должно рано или поздно послѣдовать ее осуществленіе, т. е. устраненіе стараго и торжество новаго общественного порядка, то значить весь ходъ процесса общественного развитія, — вся общественная эволюція съ ее различными сторонами и со свойственными ей революціонными моментами, — представляется теперь подъ угломъ необходимости. И тутъ передъ нами ярко выступаетъ главная черта, отличающая научный социализмъ отъ утопическаго: послѣдователь научнаго социализма смотритъ на осуществленіе своего идеала, какъ на дѣло исторической необходимости, между тѣмъ, какъ утопистъ возлагалъ главныя свои упованія на случайность. Сообразно съ этимъ измѣняются и приемы социалистической пропаганды: утописты дѣйствовали на удачу, взывая сегодня къ просвѣщеннымъ монархамъ, завтра къ предприимчивымъ и жаднымъ до прибыли капиталистамъ, послѣзавтра къ безкорыстнымъ друзьямъ человѣчества*) и т. д. Сторонники научнаго социализма имѣютъ стройную и послѣдовательную программу, глубочайшую основу которой составляетъ

*) „Le seul baume à notre servitude, c'est, de temps en temps un prince vertueux et éclairé; alors les malheureux oublient un moment leurs calamités. Такъ разсуждалъ извѣстный Гриммъ въ XVIII вѣкѣ (цитировано у Дюкро, Les Encyclopedistes, Paris 1900, p. 160). Всякій видитъ, что упованія Гримма и его единомышленниковъ дѣйствительно приурочивались къ случайности. Но мы уже знаемъ, что социалисты-утописты мало чѣмъ отличались въ этомъ отношеніи отъ просвѣтителей 18-го вѣка. Правда, просвѣтители уповали только на монарховъ, а социалисты-утописты ожидали чудесъ также и отъ доброй воли простыхъ смертныхъ изъ

материалистическое пониманіе исторіи. Они не ожидаютъ сочувствія социализму отъ всѣхъ классовъ общества, такъ какъ они знаютъ, что способность даннаго класса сочувствовать данной революціонной идеѣ опредѣляется его экономическимъ положеніемъ, и такъ какъ они видятъ, что изъ всѣхъ классовъ современнаго общества только пролетаріатъ находится въ такомъ экономическомъ положеніи, которое роковымъ образомъ толкаетъ его на революціонную борьбу съ существующимъ общественнымъ порядкомъ. Здѣсь, — какъ и вездѣ, — они не удовлетворяются взглядомъ на дѣятельность общественнаго человека, какъ на причину общественныхъ явленій, ихъ взоръ проникаетъ глубже и видитъ, что эта причина сама есть слѣдствіе экономическаго развитія. Здѣсь, — какъ и вездѣ, — они разсматриваютъ сознательную дѣятельность людей, съ точки зрѣнія ее необходимости.

„Если бы мы не имѣли лучшаго ручательства за предстоящій переворотъ въ нынѣшнемъ способѣ распредѣленія продуктовъ труда, — съ его вопіющими противоположностями нищеты и роскоши, голода и расточительности, — кромѣ сознанія того, что этотъ способъ распредѣленія несправедливъ и что справедливость должна же когда нибудь восторжествовать, то наше дѣло было бы плохо и намъ пришлось бы ждать долго. Уже средневѣковые мистики, мечтавшіе о тысячелѣтнемъ царствѣ, сознавали несправедливость классовыхъ противоположностей. Томасъ Мюнцеръ громко высказалъ это сознаніе на порогѣ новѣйшей исторіи, триста пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Тотъ же крикъ раздается и замѣраетъ во время буржуазной революціи въ Англии и во Франціи. Чѣмъ же объясняется, что этотъ крикъ о необходимости устраненія классовыхъ различій, до 1830 года не встрѣчавшій отклика въ работающей и страдающей массѣ, вызываетъ теперь тысячекратное эхо; что онъ передается изъ одной страны въ другую и притомъ въ той самой послѣдовательности и съ той самой интенсивностью, съ которой развивается въ этихъ странахъ крупная промышленность; что онъ въ продолженіе одного поколѣнія вызвалъ къ жизни такую могучую силу, которая можетъ сопротивляться всѣмъ соединившимся противъ нея общественнымъ силамъ и можетъ быть увѣрена въ побѣдѣ? Тѣмъ, что современная крупная промышленность съ одной стороны создала въ лицѣ пролетаріа-

числа имущихъ. Эта разница объясняется измѣнившимися общественными отношеніями, но она не устраняетъ кореннаго сходства, обусловленнаго одинаковымъ взглядомъ на исторію.

та тааой классъ, который впервые въ исторіи можетъ выставить требованіе уничтоженія не той или другой отдѣльной классовой организаціи, а классовъ вообще, и который находится въ такомъ положеніи, что непременно долженъ осуществить это требованіе подь страхомъ паденія до уровня китайскихъ кули. Съ другой стороны та же крупная промышленность создала въ лицѣ буржуазіи такой классъ, который имѣетъ монополію всѣхъ производительныхъ и жизненныхъ средствъ, но въ каждомъ періодѣ спекуляціонной горячки и слѣдующаго за нею краха показываетъ, что онъ уже сталъ неспособенъ господствовать надъ переросшими его власть производительными силами; классъ, подь руководствомъ котораго общество идетъ на встрѣчу своему разрушенію, какъ локомотивъ, съ которымъ не можетъ справиться машинистъ. Другими словами: тѣмъ, что какъ производительныя силы, созданныя современнымъ капиталистическимъ способомъ производства, такъ и имъ же обусловленная система распредѣленія благъ пришли въ жестокое противорѣчіе съ нимъ, и что поэтому въ способѣ производства и распредѣленія долженъ произойти переворотъ, если только современному обществу не предостойтъ окончательно погибнуть. Этотъ осязательный матеріальный фактъ, съ непреодолимой необходимостью отражающійся въ головахъ эксплуатируемыхъ пролетаріевъ въ болѣе или менѣе ясномъ видѣ, этотъ фактъ, а не представленіе того или другаго кабинетнаго мыслителя о правѣ и о безправіи ручается за побѣду современнаго социализма**).

Такъ говорилъ Энгельсъ въ своемъ спорѣ съ Дюрингомъ. И въ этихъ его словахъ рѣзко сказывается уже хорошо знакомая намъ отличительная черта научнаго социализма: взглядъ на освободительное движеніе пролетаріата какъ на законѣрный общественный процессъ, убѣжденіе въ томъ, что только **необходимость** можетъ обезпечить торжество **свободы****).

*) Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft, dritte Auflage, ss. 161-162.

**) Когда нашъ Бѣлинскій, — въ первый періодъ своего увлеченія Гегелемъ, — рѣшительно отказался на нѣкоторое время отъ свободолобивыхъ стремленій, онъ тѣмъ самымъ далъ поразительное и неопровержимое доказательство глубины своей теоретической мысли. Его отказъ отъ свободолобивыхъ стремленій вызванъ былъ именно сознаниемъ того, что торжество свободы можетъ быть обезпечено лишь исторической необходимостью. Не видя въ рус-

Тѣнь говорить гдѣ то, что совершенная наука съ полной точностью воспроизводитъ въ понятіяхъ природу и послѣдовательность явленій. Такая наука можетъ дѣлать безошибочныя предсказанія относительно каждаго отдѣльнаго явленія. И нѣтъ ничего легче, какъ показать, что общественная наука не обладаетъ и не можетъ обладать такой точностью. Но научный социализмъ никогда и не предъявлялъ претензій на такую точность. Когда его противники выдвигаютъ противъ него то соображеніе, что **соціологическое предвидѣніе невозможно**, то они смѣшиваютъ два очень различныхъ понятія: понятіе о направленіи и объ общихъ результатахъ даннаго общественнаго процесса съ понятіемъ объ отдѣльныхъ явленіяхъ (событіяхъ), изъ которыхъ составитъ этотъ процессъ. Соціологическое предвидѣніе отличается и всегда будетъ отличаться очень малой точностью во всемъ томъ, что касается предсказанія отдѣльныхъ событій, между тѣмъ какъ оно обладаетъ уже значительной точностью тамъ, гдѣ надо определить общій характеръ и направленіе общественныхъ процессовъ. Возьмемъ примѣръ. Статистика показываетъ, что цифра смертности колеблется въ зависимости отъ временъ года. Зная ея колебанія въ данной странѣ или въ данномъ мѣстѣ, не трудно предсказать, въ какой мѣрѣ увеличится или уменьшится число смертныхъ случаевъ при переходѣ изъ одного времени года въ другое. Тутъ рѣчь идетъ объ общемъ характерѣ и о направленіи даннаго общественнаго процесса, и тутъ возможно очень точное предсказаніе. Но если бы мы пожелали узнать, въ какихъ именно отдѣльныхъ явленіяхъ выразится, скажемъ, увеличеніе смертности съ наступленіемъ осени; если бы мы поставили себѣ вопросъ о томъ, *какія именно лица не переживутъ осенняго времени и каковы именно будутъ конкретныя обстоятельства*, сопровождающія смерть этихъ лицъ, то на этотъ вопросъ мы не дождались бы отвѣта отъ общественной науки, и если мы всетаки стали бы добиваться его рѣшенія, то намъ пришлось бы обратиться къ какому нибудь магу или предсказателю. Другой примѣръ. Вообразите, что въ парламентѣ данной страны находятся представители отъ крупныхъ землевладѣль-

ской дѣйствительности никакихъ указаній на объективную неизбѣжность такого торжества, онъ отбрасывалъ всякую надежду на него, какъ *исторически несостоятельную*. Впослѣдствіи онъ самъ говорилъ о себѣ, что онъ не сумѣлъ „развить идею отрицанія“. Эта идея въ ея примѣненіи къ буржуазному обществу развита была основателями научнаго социализма.

цевъ, доходъ которыхъ сильно понижается вслѣдствіе конкуренціи сосѣднихъ странъ; отъ промышленныхъ предпринимателей, сбывающихъ свои товары именно въ этихъ сосѣднихъ странахъ, и, наконецъ, отъ пролетаріевъ, живущихъ лишь продажей своей рабочей силы. Въ составленный такимъ образомъ парламентъ вносятся предложеніе обложить высокою пошлиною хлѣбъ, возимый изъ за границы. Какъ вы думаете, можетъ-ли социологъ предсказать, какъ встрѣтятъ это предложеніе парламентскіе представители различныхъ общественныхъ классовъ? Мы думаемъ, что въ этомъ случаѣ социологъ, — и не только социологъ, человѣкъ науки, а всякій тотъ, кто не лишенъ нѣкотораго политическаго опыта и здраваго смысла, — имѣтъ полную возможность сдѣлать безошибочное предсказаніе: „Представители землевладѣльцевъ, скажетъ онъ, будутъ всѣми силами поддерживать указанное предложеніе; представители пролетаріата будутъ отвергать его столь же энергично, и въ этомъ отношеніи отъ нихъ не останутъ представители предпринимателей, если только представители землевладѣнія не кунятъ ихъ согласія какой нибудь серьезной экономической уступкой въ какой нибудь другой области.“ Это предсказаніе будетъ сдѣлано на основаніи анализа экономическихъ интересовъ различныхъ общественныхъ классовъ и оно дѣйствительно будетъ имѣть — по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ оно относится къ землевладѣльцамъ и къ пролетаріямъ, — опредѣленность и точность математическаго вывода. Далѣе, — зная число голосовъ, какимъ располагаетъ въ парламентѣ каждый изъ представленныхъ въ немъ классовъ, нашъ социологъ легко и безошибочно предскажетъ судьбу интересующаго насъ предложенія. Здѣсь его предсказаніе опять можетъ имѣть очень большую степень точности и достовѣрности. Но если вы, не довольствуясь знаніемъ общаго характера и направленія даннаго общественнаго процесса, — процесса борьбы, вызванной даннымъ предложеніемъ, — захотите напередъ опредѣлить, кто именно возьметъ слово по поводу этого законопроекта и какія именно парламентскія сцены будутъ вызваны рѣчами будущихъ ораторовъ, то социологъ отвѣтитъ вамъ уже не научнымъ предвидѣніемъ, а болѣе или менѣе остроумными догадками, и если вамъ этого будетъ мало, то вамъ опять придется взяться за магію. Третій примѣръ. Если вы возьмете сочиненія великихъ французскихъ просвѣтителей 18-го вѣка, — скажемъ хоть Гольбаха, — то вы найдете въ нихъ *всю социальную программу великой французской революціи*. Но вы не встрѣтите въ нихъ ни одного

предсказанія относительно тѣхъ историческихъ событій, изъ которыхъ составилась впоследствии процессъ осуществленія требованій, выставленныхъ французскими просвѣтителями во имя всего третьяго сословія. Откуда эта разница? Понятно — откуда: иное дѣло характеръ и направленіе даннаго общественнаго процесса, а иное дѣло тѣ отдѣльныя событія, изъ совокупности которыхъ онъ составится. Если я позналъ его характеръ и направленіе, то я могу предсказать его исходъ; но какъ бы ни было глубоко мое пониманіе этого процесса, оно не дастъ мнѣ возможности предсказывать отдѣльныя событія въ ихъ индивидуальности. Когда говорятъ, что социологическое предвидѣніе невозможно или, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно затруднительно, то почти всегда имѣютъ въ виду невозможность или трудность предвидѣнія отдѣльныхъ событій, совершенно забывая о томъ, что такое предвидѣніе вообще и не есть дѣло социологіи. Социологическое предвидѣніе имѣетъ своимъ предметомъ не отдѣльныя событія, а *общіе результаты того общественнаго процесса который*, — какъ, на примѣръ, процессъ развитія буржуазнаго общества, — *уже совершается въ данное время*. Что эти общіе результаты могутъ быть опредѣлены заранѣе, это хорошо показываетъ вышеприведенный примѣръ французской революціи, вся социальная программа которой была сформулирована, какъ мы сказали, передовыми литературными представителями буржуазіи*).

Научный социализмъ говоритъ, во первыхъ, что торжество социалистическихъ идеаловъ предполагаетъ, какъ свое необходимое условіе, извѣстный, независящій отъ воли социалистовъ ходъ экономического развитія буржуазнаго общества; во вторыхъ, что это необходимое условіе находится теперь на лицо и обуславливается характеромъ свойственныхъ этому обществу производственныхъ отношеній; въ-третьихъ, что само распространеніе социалистическихъ идеаловъ въ рабочемъ классѣ современныхъ капиталистическихъ

*) Въ своей недавно вышедшей книгѣ: „Les classes sociales, analyse de la vie sociale“, парижскій профессоръ Боэръ (Bauer) высказываетъ аналогичный взглядъ на социологическое предвидѣніе. Его книга интересна во многихъ отношеніяхъ. Жаль только, что почитенный профессоръ очень плохо знакомъ съ исторіей развиваемаго имъ взгляда. Ему, повидимому, и въ голову не приходитъ, что въ числѣ своихъ „предшественниковъ“ онъ долженъ считать философовъ Шеллинга и Гегеля и социалистовъ Маркса и Энгельса.

странъ вызывается экономическимъ строемъ и развитіемъ этихъ странъ. Такова общая мысль научнаго социализма. И эта общая мысль ни мало не опровергается тѣмъ вполне правильнымъ соображеніемъ, что социологія никогда не будетъ наукой совершенной въ вышеуказанномъ смыслѣ этого слова. Ну и пусть ее не будетъ! Что же изъ этого? Хотя социологія и не совершенная наука, а общая мысль научнаго социализма всетаки неоспорима, а потому и сомнѣніе въ возможности такого социализма все таки неосновательно.

Въ спорахъ о возможности научнаго социализма теоретики буржуазіи и „критики“ Маркса нерѣдко выдвигаютъ еще слѣдующій доводъ. „Если возможенъ научный социализмъ, говорятъ они, то стало быть возможна и буржуазная общественная наука, а это — противорѣчивая бессмыслица, потому что наука не можетъ быть ни социалистической, ни буржуазной. Наука — одна: буржуазная политическая экономія также немыслима, какъ и социалистическая математика“.

Этотъ доводъ тоже основывается на смѣшеніи понятій. Математика не можетъ быть ни социалистической, ни буржуазной; это вѣрно; но что вѣрно въ примѣненіи къ математикѣ, то ошибочно въ примѣненіи къ общественной наукѣ.

Чему равняется сумма квадратовъ катетовъ? Квадрату гипотенузы. Такъ ли это? Такъ. Всегда ли это такъ? Всегда такъ; отношеніе квадрата гипотенузы къ суммѣ квадратовъ катетовъ *не можетъ измениться, потому что свойства математическихъ фигуръ неизмѣнны*. А что мы видимъ въ социологіи? Остается-ли неизмѣннымъ предметъ ея изслѣдованія? Нѣтъ, не остается. Предметомъ социологическаго изслѣдованія является общество, а общество развивается, и, слѣдовательно, измѣняется. Вотъ этимъ-то измѣненіемъ, этимъ развитіемъ и создается возможность буржуазной общественной науки, равно какъ и научнаго социализма. Общество проходитъ въ своемъ развитіи *известныя фазы, которымъ соответствуютъ известныя фазы развитія общественной науки*. То, что мы называемъ, напримѣръ, буржуазной экономіей, есть одна фаза развитія экономической науки, то, что мы называемъ социалистической экономіей, есть другая фаза ея развитія, непосредственно слѣдующая за нею. Что же тутъ удивительнаго? Гдѣ же тутъ противорѣчивая бессмыслица?

Было бы очень ошибочно думать, что буржуазная экономія состоитъ изъ однихъ заблужденій. Вовсе нѣтъ! Поскольку буржуазная экономія соответствуетъ опредѣленной фазѣ общественнаго

развитія, постольку она заключаетъ въ себѣ научную истину*). Но эта истина относительна именно потому, что она соответствуетъ *только известному фазису общественнаго развитія*. А теоретики буржуазіи, воображающіе, что общество навсегда должно остаться въ своей буржуазной фазѣ, приписываютъ своимъ относительнымъ истинамъ абсолютное значеніе. Въ этомъ и заключается ихъ коренная ошибка, исправляемая научнымъ социализмомъ, появленіе котораго свидѣтельствуетъ о томъ, что буржуазная эпоха общественнаго развитія приближается къ своему концу. Научный социализмъ—это та самая сова Минервы, о которой говоритъ Гегель и которая, по его словамъ, вылетаетъ только тогда, когда закатывается солнце даннаго общественнаго порядка. Еще разъ, гдѣ же тутъ противорѣчіе? Гдѣ бессмыслица? Тутъ не только нѣтъ ни противорѣчій, ни бессмыслицы, но тутъ впервые получается возможность *взглянуть на самый процессъ развитія науки, какъ на процессъ закономерный*.

Но какъ бы тамъ ни было, а главная отличительная черта научнаго социализма опредѣлилась для насъ теперь съ полною ясностью. Его сторонники не довольствуются надеждой на то, что социалистическіе идеалы, благодаря своему возвышенному характеру привлекутъ къ себѣ всеобщую симпатію и потому восторжествуютъ. Нѣтъ, имъ нужна увѣренность въ томъ, что самое это привлеченіе всеобщей симпатіи социалистическими идеалами есть *необходимый общественный процессъ*, и эту увѣренность они черпаютъ изъ анализа современныхъ экономическихъ отношеній и хода ихъ развитія**). Защитники существующаго общественнаго

*) И вотъ почему классовая буржуазная точка зрѣнія изслѣдователей не только не мѣшала въ свое время прогрессу науки, но была его необходимымъ условіемъ. Въ предисловіи къ Манифесту Коммунистической Партіи мы показали это на примѣрѣ французскихъ буржуазныхъ историковъ временъ Реставраціи,

***) Нѣкоторые писатели, — напримѣръ Штаммлеръ, — замѣчаютъ, что если торжество социализма есть историческая необходимость, то практическая дѣятельность социаль-демократіи совершенно излишня. Затѣмъ содѣйствовать возникновенію такого явленія, которое и такъ непременно наступитъ? Но это жалкій и смѣшной софизмъ. Разсматривая историческое развитіе съ точки зрѣнія необходимости, социальная демократія и на свою собственную дѣятельность смотритъ какъ на необходимое звено въ цѣпѣ тѣхъ необходимыхъ условій, совокупность которыхъ дѣлаетъ неизбежнымъ торжество социализма. Необходимое звено не можетъ быть

порядка очень хорошо чувствуют, хотя и не всегда ясно сознают, что эта главная отличительная черта составляет и главную силу социалистической теории. Поэтому их „критика“ направляется именно в эту сторону. Они начинают обыкновенно с рассуждений о том, что нельзя видеть в экономикѣ главную пружину общественного развития, так как человекъ состоитъ не изъ одного желудка и такъ какъ у него есть душа, сердце и другія нетлѣнные сокровища. Но эти сантиментальныя рассужденія, свидѣтельствующія о полной неспособности нынѣшнихъ теоретиковъ буржуазіи понять, въ чемъ заключается главнѣйшая, основная задача общественной науки, играютъ у нихъ роль вспомогательнаго отряда. Главныя же силы ихъ аргументаціи сосредоточиваются на вопросѣ о направленіи современнаго экономическаго развитія. Здѣсь они стараются опровергнуть одно за другимъ все положенія научнаго социализма*). И хотя старанія ни къ чему не приводятъ, но они постоянно возобновляютъ свои нападенія и не могутъ не возобновлять ихъ, такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о самомъ существованіи дорогого имъ общественнаго порядка. Они сознаютъ, что если экономическое развитіе въ самомъ дѣлѣ идетъ такъ, какъ говорятъ послѣдователи научнаго социализма, то социальная революція неизбежна. А это сознание *равносильно признанію возможности научнаго социализма.*

Мы указали одну отличительную черту научнаго социализма. Въ своемъ спорѣ съ Дюрингомъ Энгельсъ указываетъ другую. Онъ говоритъ, что этотъ социализмъ получилъ свое начало лишь со времени открытія природы и происхожденія прибавочной цѣнности, и что весь онъ „группируется“ вокругъ этого открытія. Читатель понимаетъ, въ какомъ смыслѣ это сказано. Такъ какъ цѣлью социалистическаго движенія является устраненіе эксплуатаціи одного общественнаго класса другимъ, — пролетаріата буржуазіей, — то научный социализмъ сталъ возможенъ только съ тѣхъ поръ, когда наукѣ удалось опредѣлить природу классовой эксплуатаціи вообще, а въ частности тотъ видъ, который она принимаетъ въ нынѣшнемъ обществѣ. Пока это не было сдѣлано, социализмъ не могъ выйти изъ области болѣе или менѣе смут-

излишнимъ: его устраненіе разорвало бы всю цѣпь событій. Логическая слабость этого софизма ясна для того, кто понималъ сказанное нами выше о свободѣ и необходимости.

*) Объ этомъ см. нашу статью „Критика нашихъ критиковъ“, напечатанную во 2-3-й книжкѣ „Зари“.

ныхъ стремленій, и въ его критикѣ существующаго порядка вещей недоставало главнаго: пониманія того, гдѣ находится экономическій центръ тяжести этого порядка. Открытіе прибавочной цѣнности дадо ему такое пониманіе. Какъ велико значеніе этого открытія, показываетъ уже одно то обстоятельство, что защитники существующаго порядка вещей всеми силами стараются опровергнуть его истинность. Теорія предѣльной полезности встрѣчаетъ теперь чрезвычайно радужный пріемъ со стороны буржуазныхъ экономистовъ именно потому, что она покрываетъ густымъ туманомъ вопросъ объ эксплуатаціи работника капиталистомъ и даже дѣлаетъ весьма сомнительнымъ самый фактъ такой эксплуатаціи*).

Но какъ ни важно было открытіе прибавочной цѣнности въ исторіи социализма, научный социализмъ всетаки оставался бы невозможнымъ, если бы устраненіе буржуазныхъ производственныхъ отношеній, — а слѣдовательно и эксплуатаціи пролетаріата буржуазіей, — не было понято какъ историческая необходимость, обусловливаемая всемъ ходомъ современнаго экономическаго развитія.

Еще два слова. Въ одномъ изъ приложений къ этой брошюрѣ печатается въ этомъ изданіи, какъ и въ предыдущихъ, три главы изъ знаменитой книги „Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft“, посвященныя критикѣ дюринговой „теоріи насилия“. Въ этихъ главахъ содержится, между прочимъ, очеркъ исторіи военнаго искусства въ цивилизованныхъ государствахъ новаго времени, а также анализъ причинной связи развитія этого искусства съ экономическимъ развитіемъ общества. Людямъ, склоннымъ къ эклектизму, эти главы могутъ показаться „односторонними“. „Нельзя же все объяснять экономіей“, скажутъ такіе люди. Поэтому мы считаемъ полезнымъ обратить ихъ вниманіе на одну книгу, обязанную своимъ происхожденіемъ специалистамъ военнаго дѣла

*) Когда вышелъ англійскій переводъ книги Бёмъ-Баверка „Positive Theorie des Kapitals“, крупнѣйшій органъ англійской буржуазіи „The Times“, привѣтствовалъ его, какъ „лучшее противоядіе противъ теоріи эксплуатаціи“ (Exploitation theories of the marxist school). Буржуазный общественный порядокъ клонится къ упадку. Параллельно съ этимъ совершается и паденіе буржуазной науки. Защищая буржуазныя общественныя отношенія, теоретики буржуазіи понижаются до уровня софистовъ низшей пробы.

и озаглавленную: „Les maitres de la guerre. Frédéric II — Napoléon — Moltke. Essai critique d'après des travaux inédits de M. le général Bonnal par le lieutenant-colonel Roussel, professeur à l'école supérieure de la guerre“. Эта интересная книга посвящена тому же самому предмету, какой разсматривается Энгельсомъ въ указанныхъ главахъ, и она приходитъ почти совершенно къ тѣмъ же выводамъ. „Соціальное состояніе каждой данной исторической эпохи, — читаемъ мы въ ней на страницѣ 4-ой, — имѣетъ преобладающее вліяніе не только на военный организмъ націи, но еще и на характеръ, на способности и на стремленія военныхъ людей. Обыкновенные генералы пользуются обычными методами, употребляютъ въ дѣло обычные средства и побуждаютъ или терпятъ пораженія смотря по тому, благоприятны или неблагоприятны для нихъ внѣшнія обстоятельства... Что же касается великихъ полководцевъ, то они подчиняютъ своему гению средства и приемы борьбы или, точнѣе, они, — руководствуясь чѣмъ-то въ родѣ инстинктивной догадки, — преобразуютъ и средства, и приемы сообразно параллельнымъ законамъ соціальной эволюціи, рѣшительное вліяніе которой на технику военного искусства оцѣнивается ими одними“. Это очень не далеко отъ матеріалистическаго объясненія исторіи, хотя авторъ цитируемой книги навѣрное не имѣетъ о немъ ни малѣйшаго понятія: вѣдь если развитіе военного искусства опредѣляется соціальнымъ развитіемъ, а соціальное развитіе — экономическимъ, то выходитъ, что техника военного дѣла и даже не одна только эта техника, но также „характеръ, способности и стремленія военныхъ людей“ обусловливаются въ послѣднемъ счетѣ экономическимъ развитіемъ. И этотъ выводъ, поражающій своей „односторонностью“ многихъ и многихъ „интеллигентовъ“ всякихъ національностей, врядъ-ли испугалъ бы нашего военного автора, который, признавая, что развитіе военной техники обусловливается соціальнымъ развитіемъ, признаетъ въ то же время, что это развитіе въ свою очередь обусловливается „прогрессомъ наукъ, искусствъ и промышленности“ (стр. 2). Если онъ не лишенъ способности къ послѣдовательному мышленію, — а онъ, повидимому, вовсе не лишенъ ея, — то ему очень легко было бы понять ту историческую теорію, по которой соціальное развитіе совершается на основѣ экономического, а экономическое опредѣляется ходомъ развитія производительныхъ силъ.

Историческій очеркъ военного искусства, сдѣланный тѣмъ же авторомъ на основаніи неизданныхъ работъ генерала Боннала, чрезвычайно напоминаетъ тотъ очеркъ, который мы находимъ у

Энгельса. Мѣстами сходство такъ велико, что можно было бы предположить заимствованіе, если бы самая мысль о немъ не заключалась очень простымъ хронологическимъ соображеніемъ: Анти-Дюрингъ Энгельса вышелъ за 23 года до появленія книги подполковника Русса. Почти столь же несомнительно было бы и обратное предположеніе о томъ, что Русса (или генераль Бонналъ) заимствовалъ у Энгельса: можно поручиться, что сочиненія великаго нѣмецкаго соціалиста совершенно неизвѣстны этимъ ученымъ французскимъ офицерамъ. Дѣло объясняется очень просто тѣмъ, что Энгельсъ былъ хорошимъ знатокомъ военного дѣла и послѣдовательнымъ мыслителемъ, умѣвшимъ приложить основныя положенія своей исторической теоріи къ изученію самыхъ различныхъ сторонъ общественной жизни. Руководимый этими основными положеніями онъ ясно увидѣлъ то, что, по словамъ подполковника Русса, видѣли лишь гениальные полководцы: рѣшительное вліяніе соціальной эволюціи на технику войны. Этотъ частный случай убѣдительно показываетъ, что, будучи правильно понято, матеріалистическое объясненіе исторіи не только не ведетъ къ „односторонности“, но какъ нельзя болѣе расширяетъ и обостряетъ взглядъ изслѣдователя.

Хотѣли мы было поговорить здѣсь еще о *диалектикѣ въ ея отношеніи къ логикѣ такъ называемаго здравого смысла*. Но недостатокъ мѣста вынуждаетъ насъ отложить это намѣреніе до другого, болѣе удобнаго времени.

Июль 1902 года.

Г. ПЛЕХАНОВЪ.